— Этого товарища нужно срочно выловить. Без его подписи акт о приемке моста будет недействительным!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Тема С. ЕРМИЛОВА (г. Воронеж), поступившая на конкурс.

КРОКОДИЛ

№ 14 • МАЙ 1973

НЕ ОСКОРБЛЯЙТЕ ХОЛОДНЫХ САПОЖНИКОВ

С. ШАТРОВ

Сперва несколько добрых слов о холодном сапожнике. Вспоминаю эту колоритную фигуру, олицетворявшую сапожный сервис моих студенческих лет. Вот он сидит на сосновом чурбаке где-то на задворках базара. Поверх двух кирпичей фанерный лист, и на нем обрезки кожи, воск и нехитрый инструментарий. Я восседаю на перевернутом ящике. Мастер шила и дратвы работает споро, потому что клиент в прохудившихся носках и у него мерзнут ноги.

— В таком щиблете не советую идти свататься,— беззлобно острит мастер.— Щиблет, прямо скажу, не модель. Однако носить будешь, потому как чиним мы на совесть!

И это было истинной правдой. Холодные сапожники чинили на совесть. Я не согласен с читателем З. Патрикеевым из Алма-Аты, который утверждает, что мебель, приобретенная им, сработана холодными сапожниками. Современный мебельный бракодел совершенно не похож на безвестных базарных тружеников. Холодный сапожник никогда бы не подсунул клиенту продукцию, которую выпускает, скажем, Яйский лесозавод. Вот что пишет по этому поводу из Мариинска товарищ Игнатова:

«Приобрели мы с мужем подвесной шкаф Яйского лесозавода. Пришли домой, распаковали. О боже! Это было, можете нам поверить, невообразимое зрелище. Полки не обструганы. Сквозь краску торчит оцарапанное рубанком дерево. Направляющие пазы приклеены плохо. Дверцы отстают, с трудом открываются да и поставлены косо...»

На своем жалком уродце яйские мастера недрогнувшей рукой начертали: «Первый сорт». Родное ОТК, разумеется, удостоверило печатью наглую липу.

Если мы заговорили о бракоделах-наглецах, то было бы крайней несправедливостью обойти молчанием фирму «Югмебель», которая раскинула свои шатры в Грозном.

Сотрудникам яслей № 3 (поселок Дубки, Дагестанская АССР) пришла в голову дерзкая мысль купить десяток вполне «взрослых» стульев одной подведомственной «Югмебели» фабрики. Они были немедленно и жестоко наказаны за свой наивный оптимизм, основанный на легкомысленном предположении, будто «Югмебель» блюдет честь фирмы.

Представьте себе такую картину: мамаша в ожидании своего чада присаживается на стул. Легкий треск — и она на полу. Перед ней извиняются, подают второй стул — тот же результат... Короче говоря, на этих стульях могут сидеть разве лишь дистрофики или свифтовские лилипуты. Взрослому человеку с нормальным весом лучше на них не опускаться.

От стульев, незаменимых для клоунских антре, рукой подать до платяного шкафа Хадыженской фабрики. Когда тов. Дибцев из станицы Ханской остался наедине со своей покупкой, его прохватила легкая дрожь. На дверце шкафа красовался огромный необработанный сук темно-синего цвета.

— Черт с ней, с абстрактной расцветкой,— постарался успокоить себя Дибцев.— В конце концов я привыкну к дурацкому суку.

С этими капитулянтскими мыслями он начал развешивать вещи. И тут его ждал второй сюрприз. Выяснилось, что перекладина для вешалок обладает норовом необъезженной лошади. Время от времени она сбрасывает неугодный ей груз.

— Ну это уже хамство! — вскипел Дибцев и написал письмо на фабрику.

Фабричное ОТК ответило. Пока шла переписка, злополучный сук, как модница, изменил окраску: превратился в жгучего блондина, а лак начал шелушиться, словно курортник, перегревшийся на солнце.

Не менее трагическая встреча произошла у семьи Апарциных с продукцией Уссурийской мебельной фабрики.

ГЕОЛОГИ, ОХОТНИКИ, ТУРИСТЫ!
Незаменимая РАСТОПКА
ДЛЯ КОСТРА В СЫРУЮ ПОГОДУ — ДЕТАЛИ ПЛАТЯНОГО ШКАФА Хадыженской фабрики
ТРЕБУЙТЕ В МАГАЗИНАХ МЕБЕЛЬТОРГА!

В иркутском специализированном магазине «Мебель» они решили приобрести секретер-секцию.

— Как у вас насчет технической смекалки? — спросили их продавцы.

— Честно говоря, не очень. А что? — насторожились покупатели.

— Видите ли, вам придется самим собрать секцию.— И им вывалили 50 крупных деревянных и свыше 200 мелких металлических деталей — шурупов, гаек, болтов.

— Но мы никогда не занимались сборкой мебели... Мы журналисты, есть среди нас и будущие биологи,— сказали перетрухнувшие покупатели, глядя на груду деталей.— Но если нам дадут чертеж, пожалуй, мы рискнем...

— В том-то и дело,— сказали продавцы,— что чертежей нет. Фабрика не прислала. Есть единственный экземпляр с рисунком общего вида секретера. Если у вас хорошая зрительная память, то, возможно, вам удастся сбить дома эту чудо-секцию.

Здесь мы можем отдать должное объединению «Приморскдревпром», в ведении которого находится Уссурийская фабрика. По нашим расчетам, на каждом таком чертеже они сэкономили примерно полкопейки. Пусть за эти полкопейки покупатель пораскинет мозгой.

Журналисты еще раз оглядели груду деталей и решились. Они твердо знали, что не боги горшки обжигают и небожители тоже не занимались сборкой секретеров. И у них вырвалось роковое:

— Запакуйте!

Ах, как они погорячились! Позже, бессонными ночами, они проклинали свою опрометчивость. А ночи были действительно бессонными. И не одна, а целых пять. Пять вечеров и пять ночей собирали будущие биологи и два журналиста секретер-секцию. И не потому, что у них не было инструментов (они купили набор гаечных ключей, сверл и проч.), и не потому, что не хватало технической смекалки, а потому, что братья-уссурийцы подсунули иркутчанам разнузданную халтуру. Одни полки оказались короче, чем положено, другие — длиннее. Отсутствовали отверстия для болтов. А там, где отверстия были, болты в них не влезали.

Бедолаги строгали, пилили, сверлили. Невыспавшиеся женщины тоже несли трудовую вахту: варили кофе, чтобы поддержать угасавшие под утро силы мужчин.

Последний удар был нанесен им, когда секретер собрали. Выяснилось, что ни одно стекло не подходит по размерам. Теперь надо было добывать алмаз и осваивать профессию стекольщика. Тут-то Апарцины выбросили белый флаг.

«Наверное, так бы и стоял у нас в квартире недособранный секретер, если бы не помощь Иркутского областного управления государственной инспекции по качеству...— пишет С. Апарцин.— Инспекция предложила магазину заменить его...»

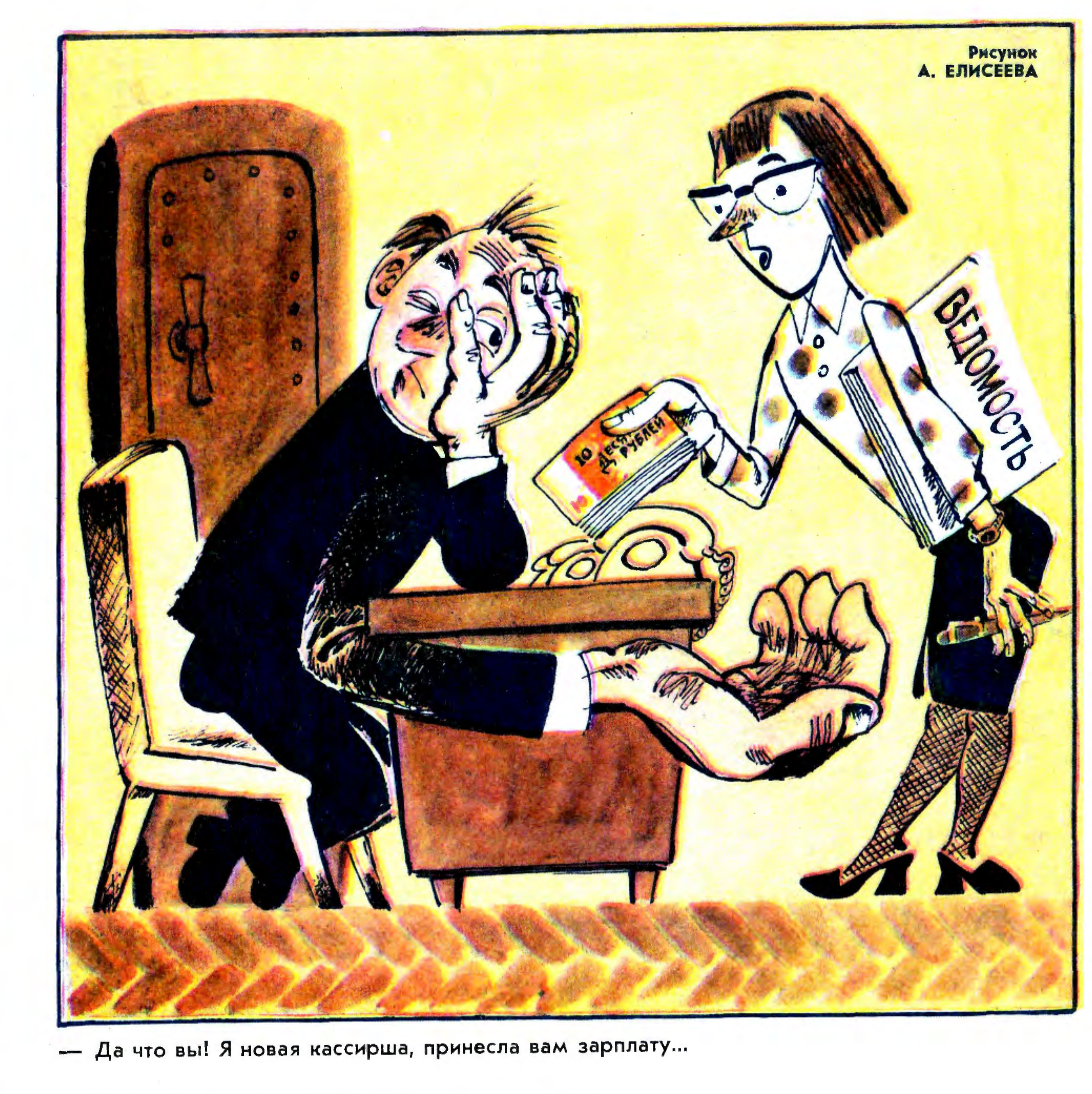
Перед нами стопка писем. Бракоделы резвятся не только в Уссурийске. И в других местах снисходительно наблюдают за их игрищами.

В связи с этим хотелось бы напомнить не в меру либеральным руководителям мебельных фабрик следующее.

Первое. Мебель покупается не на день, не на неделю и не на месяц. Многим покупателям придется годами жить бок о бок с мебельными монстрами.

Второе. Советские люди добывают деньги не спекуляциями на бирже, они не имеют доходов от игорных домов в Лас-Вегасе, а также не являются акционерами нефтяных компаний, тартающих нефть в Персидском заливе. Деньги они зарабатывают честным трудом. И этот трудовой рубль должен быть отоварен честно сработанной вещью.

Вот эту примитивную истину понимал знакомый мне холодный сапожник, который даже не являлся членом профсоюза.

— Да что вы! Я новая кассирша, принесла вам зарплату...

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

МОМЕНТАЛЬНЫЕ ФОТОГРАФИИ

1

Он диссертацию
готовил много лет.
Он с нею справился,
сомнений в этом нет.
Большие знания
надежно им добыты!
Но денег нет
на обязательный банкет,
И он, подумав,
отказался от защиты.

2

Итог ходатайства был всюду одинаков:
Не брали в штат...
И вовсе не со зла!
Его характеристика составлена была
Из восклицательных,
уж очень сладких знаков.
И в панегирике
у всех, кто вел дела,
Мед
мнился дегтем,
руганью — хвала.
Вот так
матерого чиновника-писаку

Изящная словесность подвела.

3

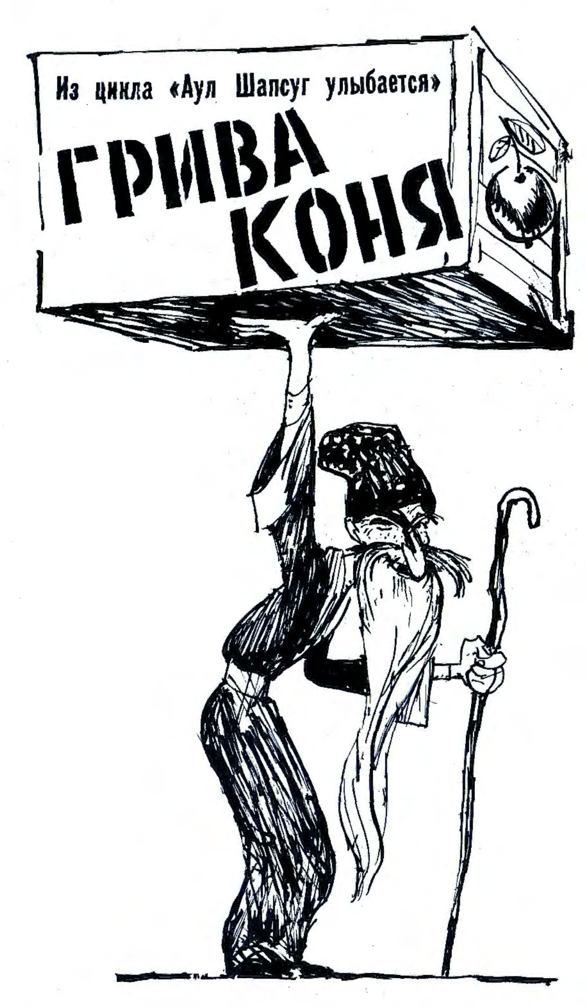
ВУЗ

Ему мамаша
с тетей Олей
Внушали: вуз тебя спасет!
Не то дождешься тяжкой
доли —
Пойдешь рабочим на завод.
И он учился, помня свято,
Что пыл дерзанья ни к чему,
Он добивался аттестата!
Его готовили к нему!
Он верил:
нужно так учиться,
Чтоб в память было внесено
Все то, что в прописях дано.
А что из этого сгодится
В дальнейшей жизни —
все равно.
Не для житейского закала
Копился знания запас...
Для жизни
знаний было мало,
Для аттестата —
в самый раз.

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

(через 8 страниц)

Киримизе ЖАНЭ

Я уже рассказывал читателям «Крокодила»[1], что писать о человеке, которого в ауле хорошо знают, все равно, что взбираться на отвесную скалу: не в самом начале, так в середине или даже когда до вершины будет рукой подать, сорвешься. Потому и придумал свой аул Шапсуг. И всех это устраивало. Всех, кроме одного человека — колхозного сторожа Османа Ереджибоко.

— По-твоему, — ехидно сказал мне Осман, — в этом забытом аллахом Шапсуге есть такой же сторож, как и у нас? И зовут его Осман Ереджибоко?

— А что тут удивительного? — набравшись духу, возразил я. — Очень может быть. Сторожа вообще во всех аулах одинаковые.

— Чем же они похожи? — уже потише осведомился Осман. — Ты много ездил, расскажи.

Я почувствовал, что наступил мой час.

— Прежде всего они все очень старые. И потому отходят от колхозных дел, становятся равнодушными к тому, что их раньше волновало. Им все кажется, будто дела идут не так, как надо, а подсказать не хотят.

— Так вот точно и поступают? — заволновался старик.

— Так точно, Осман, чтоб я с этого места не сошел.

Сказав это, я потянул за рукав приставшего ко мне соседского мальчишку Алия и, попрощавшись, двинулся к колхозному парку.

— Послушай, Киримизе, — заметил Алий, когда мы прошли шагов тридцать. — Мой отец недавно говорил, что Осман выступал на колхозном собрании. Он сказал что-то важное. Его предложение всем понравилось.

Меня это заинтересовало. Увидев старшего брата Алия, Казбека, я подозвал его и расспросил о том, что было на собрании. Оказывается, обсуждался вопрос о перспективах развития колхоза. Особенно много спорили о том, где заложить молодой сад. И тогда слово попросил Осман. Он сказал, что сад надо разбить на участке, который называется «подкова».

— Так далеко от аула? — перебил его кто-то.

— Да, — подтвердил Осман, — далеко от аула. Но зато близко от города. Рабочий человек получит от нас свежие, как с ветки, яблоки. Разве это будет плохо? Земля там самая подходящая, ведь рядом в лесу наши дети рвут дикие яблоки и груши. А откуда они? Когда-то там был чудесный сад. Рядом река, можно наладить полив. Тогда урожай будет такой, какого никто и не видел еще. Надо только все с умом делать да сил не жалеть.

Казбек еще сказал, что агроном поддержал старика и предложил создать садоводческое звено, которое бы всем этим и занялось. Уже и звеньевого назначили.

— Кого же? — заинтересовался я. — Уж не Османа ли?

— Ну что ты! — обиделся Казбек. — Мы стариков жалеем. Звеньевым стал Аюб Гаштов.

Гаштова я хорошо знал, он долго жил в городе, сельскую работу недолюбливал. Последняя его должность — директор бани. Там у него заминка вышла то ли с холодной, то ли с горячей водой, и его сняли с работы.

На следующий день я решил посмотреть, как руководит своим звеном неунывающий Аюб. К «подкове» направился по берегу Афипса. Не успел пройти и сотню шагов, как меня догнал Алий. При нем, разумеется, были удочки.

— На «подкове» красивая излучина, — сказал он, — там и лещи попадаются. А карасей — хоть ведром набирай.

Насчет ведра он, конечно, перебрал, но место для ловли там было замечательное. Незаметно мы оказались на возвышенности, тянувшейся вдоль берега и действительно напоминавшей по своей конфигурации подкову. Было тут больше двадцати гектаров заброшенной, поросшей лозняком и осиной, изрезанной вешними потоками земли.

Аюба и его людей нигде не было видно.

— Они дальше, на берегу, — заметил Алий. — Там самое рыбное место.

Когда мы начали спускаться к берегу, до нас донеслись какие-то крики, ругань. Не успели сделать и десяти шагов, как навстречу нам вышел Осман Ереджибоко. Старик был явно не в своей тарелке.

— Передай этому лентяю и болтуну, что я больше терпеть не буду, — угрюмо проговорил старик.— Пусть возвращается в свою баню.

Спустившись вниз, я увидел в зарослях живописную компанию. Развалившись на траве, шестеро человек играли в карты.

— А, писатель! — приветствовал меня Аюб. — Родной мой, присаживайся. Через пять минут закончится обеденный перерыв, и мы снова возьмемся за ударный труд. Как говорил Маяковский? Я знаю — саду цвесть! Но ради такого гостя мы можем сдать еще по одной карте. Рискнешь?

Я отказался.

— Проклятый старик, — говорил, собирая карты, Аюб. — Как у нас перерыв, так он тут как тут. «Чего в карты режетесь, лодыри?» А у нас это культурный отдых. Пора уже кончать с этими феодально-княжескими пережитками, когда каждый старик ходит и указывает. Послушай, Киримизе, почему б тебе не раздраконить этого старого бездельника? Напиши что-нибудь такое... — предложил он, пряча карты в карман.

— Что-нибудь напишу, — пообещал я.

Звено Аюба направилось на участок, а мы с Алием отошли подальше, забросили удочки и стали терпеливо ожидать, пока клюнет. Но поплавки мирно дремали на ровной речной глади.

— Не клюет, — вздохнул я.

— Ага, — подтвердил Алий. И добавил: — Сюда надо приходить на рассвете или вечером.

Мы поудили еще немного и отправились домой. Когда проходили по аулу, меня окликнул знакомый голос:

— Киримизе, подожди-ка...

Из-за плетня выглядывала жена Османа, Куако, старушка, очень гордившаяся тем, что все ее пять дочерей замужем за механизаторами.

— Послушай, Киримизе, — попросила она. — Мой выживший из ума старик когда-то хорошо о тебе отзывался. Может, он тебя послушает? Поговори с ним, убеди его, что он делает глупость.

— Да что случилось у вас? Я ведь ничего не знаю.

— С ума мой старик сходит. Говорит, что ему надоело сторожить амбары. Просится в садоводческое звено. Это с его болезнями!

— М-да... — пробормотал я. — И давно это у него?

— Да с тех пор, как на собрании выступил. Сейчас опять вернулся из сада, ругался и пошел в контору. А там как раз идет заседание правления. Того и гляди, еще уговорит правленцев, и они отправят его заниматься этим дурацким садом.

— Куако, — говорю я ей, — а может быть, ему лучше будет сад садить?

— Ничего ты не понимаешь. Он когда-то в молодости все мечтал сад вырастить, да вот земли у нас было очень мало, не до сада было. Потом, когда стал колхоз, его на кукурузу бросили. Так, говорят, надо. Потом, это уже ты помнишь, его бригадиром сделали, полеводством занимался. А после болезни в сторожа перевели. Понял? Это он теперь за старое принялся — сад, сад... А я ему ясно сказала: упустил гриву коня, за хвост не удержишься. Пойди, Киримизе, в контору, может, еще не поздно.

Я, конечно, тотчас направился к колхозной конторе. Шел и все пережевывал последнюю фразу Куако: «Упустил гриву коня, за хвост не удержишься». И представлял себе Османа молодым человеком, мечтающим о большом саде. Это была грива, за которую он мечтал ухватиться. Но скакун сбросил его на полном ходу...

Поговорить с Османом мне не удалось: когда я пришел, как раз рассматривался вопрос о садоводческом звене. Доставленный с «подковы» Аюб сидел понурившись. Говорил агроном.

— Эту ошибку надо исправить,— услышал я.— Звеньевой из Аюба не получился. У меня есть подходящая кандидатура, но не знаю, согласится ли этот человек. Он хочет работать в садоводческом звене, но не желает занять пост звеньевого. Я говорю о нашем уважаемом Османе Ереджибоко. Пусть он сам скажет.

— Говори, Осман, — попросил председатель колхоза. — Чего ты там отнекиваешься?

— Возраст у меня такой, — сказал, поднявшись, Осман,— что мне бы лучше в рядовых. Старики не должны закрывать дорогу молодежи. Это одно. А второе — боюсь, что обо мне худо подумают. Я вот уже сколько дней кричу о плохой работе Аюба, а теперь вдруг соглашусь его пост занять. Все скажут, что я его выжил, чтобы освободить место себе.

Назначили Османа. А сторожем стал Аюб.

Вот, пожалуй, и вся история. Я вспомнил о ней, когда сад на «подкове» начал плодоносить. Вспомнил и... написал. А когда рассказ уже был напечатан, подумал: не обидится ли старый Осман? Чтобы как-то сгладить свою вину, я по пути в аул завернул на «подкову». Как раз шел сбор яблок. Розовощекие девушки укладывали в ящики такие же румяные, как они сами, яблоки. Крупные, тяжелые плоды выглядывали из ящиков, словно солнечные блики.

Завидев меня, Осман по обыкновению помахал пальцем у носа и проговорил:

— Ну, сынок, наконец-то ты попался. Могу поверить, что в каждом адыгейском ауле сколько угодно стариков, которые не усидели под амбарами и стали сажать яблони. Пусть будет так. Пусть даже их всех зовут Османами. Пусть. Но если ты станешь меня уверять, что в каждом ауле есть такой, как Аюб — сорокалетний сторож, которого не поборет ни один нартский[1] богатырь, вот тогда я скажу тебе в глаза: заврался ты, сынок. А теперь переверни шляпу, наши красавицы угостят тебя яблоками.

Я шел в аул и, хрустя сладкими, сочными плодами, думал, что на этот раз старик, к сожалению, ошибся. Конечно, таких, как он, много. Но хватает еще и Аюбов, которые даже и не пытаются ухватить своего коня за гриву.

[1] См. «Крокодил» № 4.

[1] Нарты — эпические богатыри.

Перевел с адыгейского Л. ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ.

— Ты представляешь, Маша! Гроссмейстер играет одновременно на 12 досках!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Юр. ЮРОВ

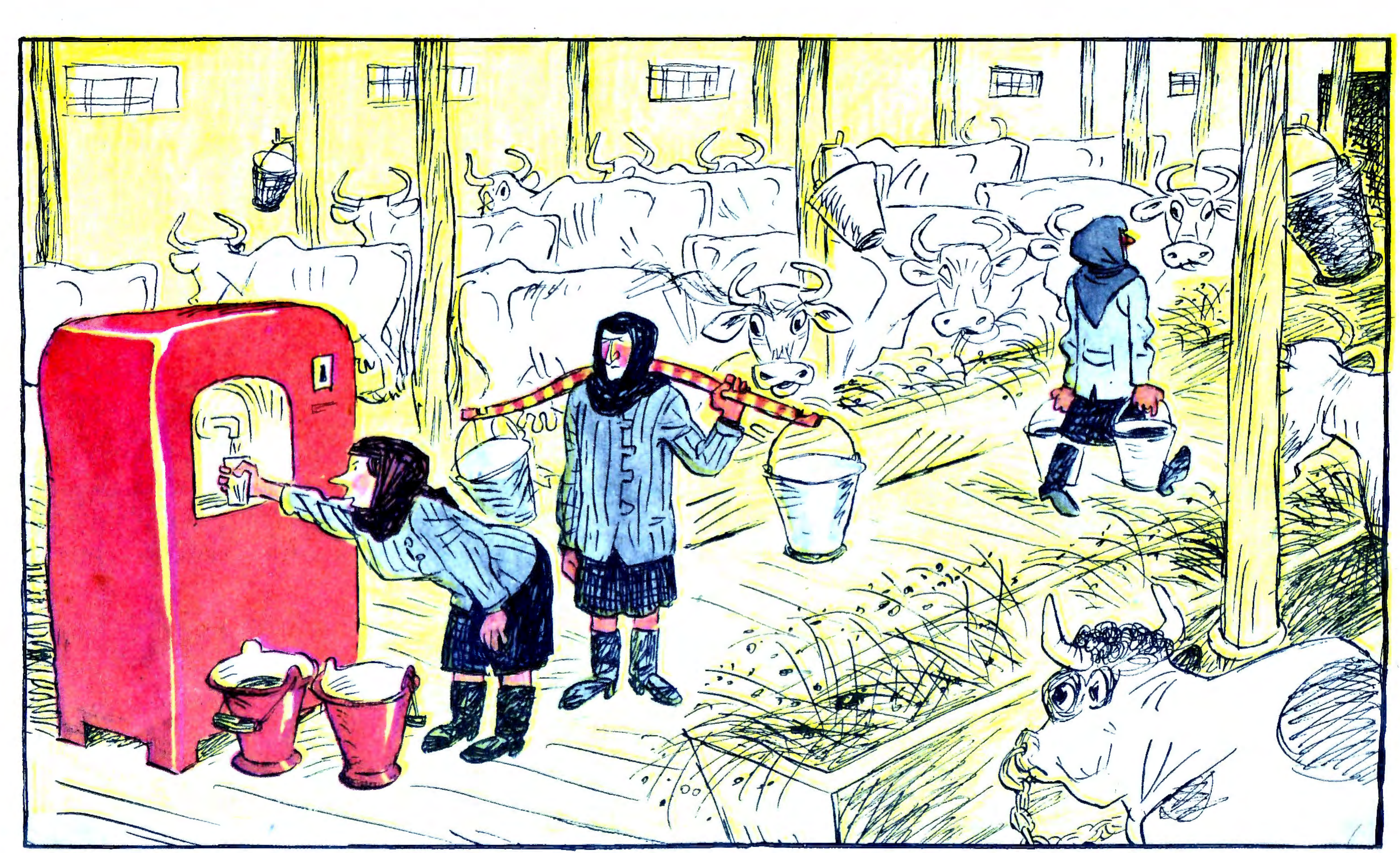
Я ЗАРПЛАТУ ПОЛУЧИЛ...

Я зарплату получил,
На душе — восторг!
Тут за лацкан взял меня
Миша—наш профорг.
Он профоргом третий год,
Я его люблю...
«Зам на пенсию идет,
Значит, по рублю!..»

Я зарплату получил,
Торт куплю жене!
Тут подходит Николай,
Старший инженер.
Он застрельщик разных дел,
Я его люблю...
«В этот день сам бог велел,
Значит, по рублю!»

Я зарплату получил —
Нет счастливей дня!
Оглянулся — весь отдел
Окружил меня!
Дорогие вы мои,
Как я вас люблю!..
«Новоселье у Ильи...»
«Ян уходит от семьи...»
«Родила Петрова...» и —
Значит, по рублю!

Я зарплату получил —
Хлопотный денек:
Только что последний рубль
Отдал на венок.
Тришкин выдал замуж дочь,
Симпатичный зять...
Свадьба. Как тут не помочь!
У кого б занять?

— Вот и на нашей ферме механизировали водоснабжение!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

С. БОДРОВ, специальный корреспондент Крокодила

ВЕСЕЛОЕ БЫЛО ВРЕМЯ...

Сидели утром в правлении колхоза мужики, ждали рейсового автобуса в райцентр. Сидели на стульях. Толковали о делах.

Коровник на одном конце деревни поставили, телятник — на другом. Неразумно. Другое дело в Валерьяновке: все вместе построено, животноводческий комплекс.

Толкуют, ждут автобуса, а тот автобус мчится мимо, пропадая в клубах дыма и пыли... Не заехал. Хотя должен был по расписанию. А не заехал.

Обидно колхозникам.

— Шофер недобросовестный попался,— вздыхает фельдшер.

Надо ему в райцентр за медикаментами.

— Прямо вредительство какое-то! — горячится парень-призывник.

Желает скорее в армию идти.

Но теперь жди другой машины на другие сутки. Что делать, куда податься?

И идут пассажиры в клуб, говорят работнику:

— Сыграй нам, что ли, хабанеру.

Работник клуба Анатолий Девятовский берет аккордеон — ти-ра-ра... Душевно играет работник сельского клуба. Мягчеют мужики. И спрашивают, глядя по сторонам:

— Что это у тебя, Толя, оформление бледное? Можно сказать, нет никакого?

Толя в ответ машет рукой.

— Просил бумаги прислать,— говорит он,— да разве пришлют?

И снова дотрагивается до клавишей. Культпросвет закончил, умеет играть!

— Краски бы всякие да кисточки,— вздыхает Толя.

Тут надо сказать, что деревня Унже-Павинск далеко отстоит от больших культурных центров типа Москвы, Ялты, Ленинграда. Не бывает здесь передвижная картинная галерея, и певец Магомаев сюда не заезжает. Даже сигналы с Останкинской башни не долетают в эту даль.

Правда, было один раз. Вдруг метеусловия донесли случайную телеискру, вспыхнул голубой экран, заголосили трибуны, ударил один человек другого клюшкой, судья засвистел. Да как потухло все! Как потухло, так больше и не зажигалось...

Идут поэтому жители в клуб. Надеются после рабочего дня культурно отдохнуть. А как?

Вот Кузнецовский Дом культуры. Здание очага культуры не старое, но требует капитального ремонта. И. Олухов, работающий здесь истопником, иногда играет на инструментах, но постоянно играть не соглашается, так как на содержание баяниста денег не отпускают.

Или вот Пальминский клуб. В глаза бросается хаос и мусор. Где уют, чистота, свежие показатели? Ничего нет. Становится тоскливо, не хочется отдыхать.

И в районном центре Таборы не возрадуешься. Топают ногами зрители во время показа фильма «Оцеола». Но не осуждаешь их, потому что во имя самосохранения топают, а не то чтобы им фильм не нравился. Ноги боятся отморозить. Топят плохо в очаге культуры. Потому что если хорошо топить, то пожар может случиться.

Где же молодые специалисты, энтузиасты сельской культуры? Были, были энтузиасты. Приезжали. Брались за дело, играли и пели, ездили по деревням менестрелями. Хорошее было время, веселое. Пьесу Гоголя «Женитьба» репетировали, вот какое было время.

И просили в райцентре краски, кисточки, советы и мелочи. Аккордеон просили, чтобы классическую музыку разучивать.

Только не было энтузиастам ни устного ответа, ни телефонограммы... Как будто их и не существует, энтузиастов. И действительно, со временем не стало их. Обижаясь на районное равнодушие, переходили они в другие отрасли, меняли специальность...

И вдруг трещит телефон. Райцентр вызывает Унже-Павинск. Берет трубку одиночка Толя. Один он остался. Купил на собственные деньги аккордеон.

— Сельский клуб слушает,— говорит Толя.

— Обнаружены в столе грамоты,— доносится далекий голос заведующего районной культурой Владимира Михайловича,— предлагаю забрать.

— Чего?

— Грамоты! Не помнишь, что ли, три года назад первое место заняли вы? Предлагаю забрать! — И раздаются в трубке гудки.

Толя снова извлекает из аккордеонных глубин хабанеру, а за окном опять без остановки пробегает автобус, так что не на чем ехать за грамотами.

Но преодолеем все-таки анархию транспортных перевозок. Доберемся в райцентр. Подадимся до заведующего отделом культуры В. М. Молочкова.

— Голова пухнет,— жалуешься ему,— на душе осадок. Почему такое положение дел?

— Большие трудности со специалистами,—говорит заведующий.—Никто не хочет работать в этой культуре. Но суммы на культуру имеем. На них мы привезли пятьсот восемьдесят театральных кресел из Йошкар-Олы, барабанов кучу. Шутка сказать, обошлись нам кресла по пятнадцать рублей штука.

— Из Йошкар-Олы? Пятнадцать рублей штука? — изумленно цокаешь языком.

— А барабаны еще дороже! Аж райисполком добавлял деньжат! — восхищается Владимир Михайлович.— Две тыщи добавил!

Так что славная возможность открывается сельскому труженику — сесть в роскошное кресло, упиваясь тишиной и пустынностью клубного помещения, и громыхнуть во все барабаны...

Свердловская область.

— Заходите, детки! У меня не то, что в клубе,— всегда открыто!

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Р. КИРЕЕВ

МЯЧ В МОРЕ

Вы не верьте, вы не верьте,
Что бы вам ни говорили.
Разве может быть такое!
Это враки, не иначе.
Ходят слухи, что медузы
В море мячик утащили.
Вы подумайте: медузы
Утащили в море мячик!

Ну, зачем медузам мячик!
Или, может быть, решили
Поиграть в футбол медузы,
Потому и взяли мячик!

Пусть играют на здоровье!
Только вы бы их судили,
Вы ,скажите, их судили б
В их морском футбольном
матче!

Это очень неудобно,
Потому что очень сыро.
А к тому же для футбола
Стадион, конечно, нужен,
И ворота, и трибуны.
И еще нужны квартиры,

Пусть живут в них
футболисты,
Пусть купаются под душем.

И болельщикам не просто:
Посвисти-ка под водою!
Что там свист, когда и слова
Под водою ты не скажешь.
Ну, а с суши не посмотришь
За подводною игрою:
Сложно камеры поставить
Там для телерепортажа.

И медузы... Ну, какие
Это, право, футболисты!
Повнимательнее гляньте!
Понимают даже дети,
Что медузы, к сожаленью,
Не умеют плавать быстро,
Плохо видят, и к тому же
Бутсы не на что надеть им.

Не забить им мяч в ворота,
Чтоб летел быстрее пули:
О футболе знать не могут
Эти жители морские.
...Взвесив все это, поймете:
Вас надули, обманули.
Это враки, что медузы
Утащили в море мяч!

М. ЧЕРНОУСОВ

Зачем Смиту зонтик?

Из Солсбери пришло сообщение, что родезийский премьер Ян Смит решил обзавестись зонтиком. Причем необычным: американский журнал «Тайм» назвал зонтик «административным».

Как известно, Смиту все труднее держаться у власти. Господство четверти миллиона белых над пятью с половиной миллионами коренных жителей — дело столь же противоестественное, как батареи центрального отопления в африканских бунгало.

Чтобы взять себе тайм-аут и хоть на время сдержать гнев негритянского населения, Смит и придумал этот самый «зонтик». Он решил ввести «полуавтономную администрацию» в двух крупнейших районах, населенных африканскими племенами. Ее-то и называет «Тайм» «административным зонтиком», который должен прикрывать политику апартеида. Правда, апартеид в Южной Родезии так же трудно прикрыть, как оросить в одночасье Сахару. Поэтому «административный зонтик» не более чем и. о. фигового листка. В этом легко убедиться, если представить себе, как будут проходить «выборы» в «администрацию» и кого будут «избирать».

— Итак, заруби себе на носу, — говорит белый инструктор.— Ты зонтик, которым мы будем прикрываться от всех недовольных. Как только кто-нибудь скажет, что у нас апартеид, так мы тебя вперед и выставим: вот негр, он здесь всем командует. Понял?

— А меня не...

— А если и так, то тебе не привыкать. Или мало тебя били? Как только тебя выберут...

— Точно выберут?

— За это не беспокойся. Выбирать тебя будут вожди племен, а они у нас зарплату получают. Так вот, как только тебя выберут, что ты будешь всем *говорить*?

— Что я зонтик.

— Болван ты, а не зонтик. Ты всем должен повторять слова нашего премьера Яна Смита: «У нас самые счастливые африканцы в мире».

— Господину Смиту все можно говорить, он же белый. А если я такое скажу, то меня могут и...

— Раз белый начальник сказал, значит, и тебе можно.

— Я слышал, что бывший главный судья Родезии господин Тредголд заявил, что у нас полицейское государство. Это мне тоже можно повторять?

— Во-первых, господин Тредголд, очевидно, на солнце перегрелся. Во-вторых, именно после этих слов он и стал бывшим. А, в-третьих, не хочешь ли ты отправиться обратно туда, откуда тебя выудили? Где ты работал?

— На руднике.

— Сколько получал?

— 215 фунтов стерлингов в год.

— А сколько получает белый горняк?

— Почти три тысячи.

— Так, значит, что ты будешь всем говорить?

— У нас самые счастливые африканцы в мире.

— Отлично! А еще что?

— Что я — зонтик.

— Пошел вон! Давайте другого кандидата!

«Административный зонтик», рассчитывает Смит, поможет ему сдержать гнев коренного населения, которое относится к белому меньшинству в численном выражении, как 20 : 1, а во всех остальных выражениях — с ненавистью. Между тем все такие «зонтики» — плохая защита от удара, который настигнет Смита и К° рано или поздно. Не солнечного, разумеется...

— Как гром среди ясного неба...

Рисунок К. НЕВЛЕРА

РОЖДЕНИЕ ДИНАМИТОЛОГИИ

В. ДРОБКОВ

Настойчивый телефонный звонок вышвырнул доктора Хосе из кровати с такой страшной силой, как будто тот заснул на катапульте. Нюх профессионала подсказал ему, что это наконец т о т з в о н о к. Запутавшись ногами в пододеяльнике, он упал на телефон.

— Док, если вы опоздаете хоть на минуту — все пропало! — захрипела трубка.— Ждем вас у дверей госпиталя!

«Дева Мария, не дай мне упустить такой случай, я так долго ждал его»,— причитал Хосе, сбегая по лестнице к машине. Одной рукой он прижимал к груди докторский чемоданчик с самым необходимым, собранный заранее и все эти ночи простоявший у его изголовья, другой — на бегу удерживал слетавшую шляпу.

Мотор завелся сразу. На пустынных улицах из него можно было выжать все, что можно. Старая машина оглушительно гремела, угрожая развалиться на любой рытвине. Не раз конкуренты обгоняли его колымагу, и тогда Хосе лишался гонорара за вырезанный соперником аппендикс или вправленную грыжу. «Ничего,— скрипнул зубами Хосе,— если операция пройдет успешно, я смогу наконец купить себе что-нибудь попроворнее этой кастрюли».

Последний поворот. Триста метров по темной аллее. Вот и госпиталь, куда он так торопился. Хосе выскочил навстречу поджидавшим его фигурам.

— Скорее открывайте ваш чемодан, док! Операцию нельзя затягивать. Сторож вот-вот вернется.

Дрожащими руками Хосе распахнул чемоданчик. На землю выпал моток бикфордова шнура и короткие, похожие на тюбики губной помады запалы.

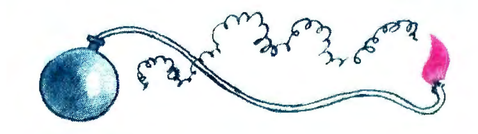
Начало аллеи осветили автомобильные фары.

— Это полиция.— Хосе выпустил из рук чемоданчик и без сил опустился на пыльную землю. Операция провалилась.

Произошло это несколько недель назад. По сообщению, пришедшему из испанского городка Ла Корунья, доктор Хосе Мария Асебал, директор местного санатория, предстал перед судом по обвинению в попытке взорвать динамитом конкурирующую клинику.

Можно предположить, что почин доктора Хосе, смело перенесшего в область медицины методы конкурентной борьбы, уже давно утвердившиеся в сфере промышленности и торговли, найдет своих последователей. Мы, вероятно, сможем стать свидетелями появления новых направлений в медицине: подрывной терапии, скорострельной хирургии, динамитологии и других.

При медицинских учебных заведениях для эскулапов, желающих стать специалистами в области кесарева сечения кошельков конкурентов, возникнут курсы саперов, снайперов, наводчиков артиллерийских орудий. В качестве преподавателей и консультантов подойдут отставные военные, имеющие опыт диверсионной работы. А в Ла Корунье будет воздвигнут памятник новатору и первопроходцу — доктору Хосе Мария Асебал. Величественная скульптура целителя-подрывника со стетоскопом в одной руке и мотком бикфордова шнура в другой, несомненно, украсит ландшафт провинциального городка и должным образом увековечит память смелого зачинателя динамитологии.

Вита ЖИЛИНСКАЙТЕ

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

Очеркист Вертушка не слышал, как в редакцию вошел посетитель. Согнувшись над пишущей машинкой, Вертушка выстукивал пламенный очерк о дубильщике:

«...В тот день дубильщик стоял и не сводил лучистых глаз с дубящейся кожи. Он думал: работа у меня, что передний край на фронте — наступай, атакуй! Кроме того, дубильщик думал о том, что дубить его заставляет внутренняя потребность. Мало того, дубильщик думал о славном пятнадцатилетии дубильного цеха и о том, чтобы к этому необыкновенному празднику выдубить несколько кож сверх плана. Вот о чем думал простой дубильщик в тот день, когда...»

Наконец Вертушка заметил посетителя. Он узнал его: это был тот самый токарь, о котором Вертушка писал недавно в одном из очерков.

— Ошибка вышла,— озабоченно сказал токарь.

— Когда, где? — испугался очеркист.

— Сейчас покажу.— Токарь вытащил из-за пазухи потертый журнал и открыл его.— Вы тут пишете про меня:

«...В тот день токарь стоял и не сводил лучистых глаз с обрабатываемой детали. Он думал: работа у меня, что передний край на фронте — наступай, атакуй! Кроме того, токарь думал о том, что обрабатывать детали его заставляет внутренняя потребность. Мало того, токарь думал о славном пятнадцатилетии токарного цеха и о том, чтобы к этому необыкновенному празднику обработать несколько деталей сверх плана. Вот о чем думал простой токарь в тот день, когда...»

Токарь закрыл журнал.

— Я не понимаю,— очеркист пожал плечами,— чем вы недовольны?

— Вы меня с кем-то спутали,— объяснил токарь.— Я прекрасно помню, о чем я думал в тот день. Я думал, что хорошо бы вечером попариться в бане, а после этого хватить пару кружек холодного пива.

— В самом деле?—с трудом сдерживая смех, спросил Вертушка.

— Вы что, не верите мне? — потускнел токарь.— Клянусь, я в тот день действительно думал, как бы попариться с веником и выпить пару кружек пива!

— Так чего же вы от меня хотите? — не понял очеркист.

— Я хочу, чтобы вы исправили ошибку. Чтобы написали про меня правду.

— Стало быть,— изнемогая от внутреннего хохота, сказал очеркист,— я должен написать: «Прошу читателей простить меня за ошибку, вкравшуюся в мой очерк о токаре. Начиная с шестнадцатой строки следует читать:

«В тот день токарь стоял и не сводил лучистых глаз с обрабатываемой детали. Он не собирался ни наступать, ни атаковать. Не думал он и о славной годовщине своего цеха. Он думал о том, чтобы после работы всласть попариться с веником и выпить две кружки холодного пива...»

— Вот это я! — Токарь даже подскочил на радостях.— Большое вам спасибо и всего-всего наилучшего!

Очеркист Вертушка растерянно поглядел на дверь, за которой скрылся сияющий токарь. Потом он вскочил и понесся в ближайшую пивную, чтобы пропустить пару кружек холодного-прехолодного пива. А попариться решил после того, как закончит очерк о дубильщике.

Перевел с литовского Ф. ДЕКТОР.

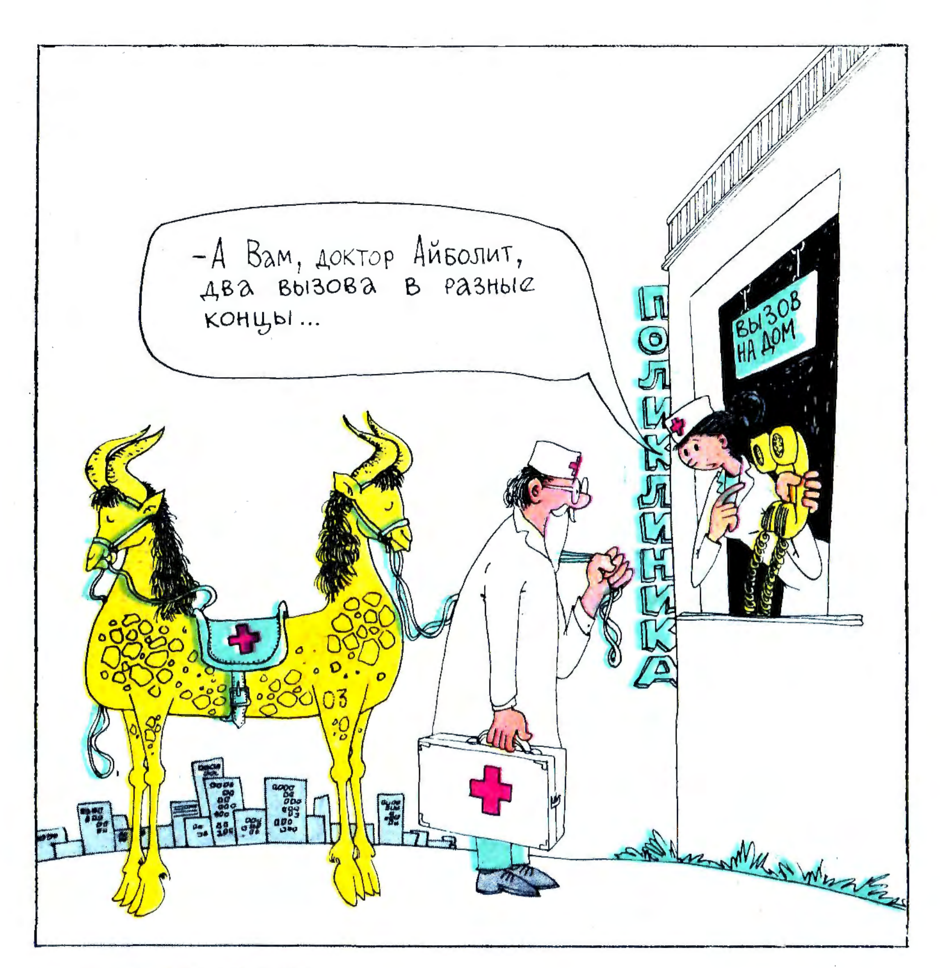

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

Из любви к себе

Лучше бы это была диссертация, а не фельетон. Уж очень неисследованная тема: «Наколки на руках у отдельных граждан мужского пола». Требует кропотливой работы. Тянет на фундаментальность.

В фельетоне же не разгуляешься: малоформатность, сжатые сроки на подготовку, отсутствие научного руководителя.

Поэтому с болью в душе урежем тему. Оставим в покое рисунки — разные там якоря, русалок, амуров. Ограничимся текстами. Но и здесь сократим изыскания до микротемы: «Наколки в память о людях».

Общеизвестно изречение «Не забуду мать родную!». Это, так сказать, классика иглописного творчества, его высшее достижение. Гуманен подтекст наколки. Где-то за тысячи километров у окна с резными наличниками вздыхает мать-старушка, вглядываясь из-под руки на дорогу: «Не покажется ли блудный сын?» И когда-нибудь сынок действительно посетит старушку. А не будь клятвы на руке, он, возможно, и забыл бы о ее существовании.

Женские имена накалываются в честь любимых женщин. Конечно, в лаконичном стиле. Не встретишь, скажем, такой надписи: «Евфросиния Никодимовна Доменкова». Встретишь просто «Фрося». Все-таки не свидетельство о браке, а рука. Да и достаточно одного имени, чтобы не забыть возлюбленную до гробовой доски.

Весьма распространены наколки в свою честь, когда тот или иной владелец руки отражает на ней данные о себе — имя и инициалы. Вот мы, окончательно сузив тему, и остановимся на тех, кто увековечивает свое имя из-за великой, неугасимой любви к собственной персоне.

О. Ж.

Расшифруем — Овсянников Женя. Полностью — Евгений Яковлевич. Уроженец Москвы. Имеет в столице мать-старушку, бывшую жену, двух дочерей. Мог зафиксировать в свое время на руке наличие матери или любимой женщины. Мог в конце концов запечатлеть имена дочерей.

Запечатлел себя. Но, как видим, не навязчиво, конспиративно. Чтобы окружающие не заподозрили его в эгоизме. А также на случай, если придется прятаться. От своих же наследниц.

Ах, наследницы-нахлебницы! Оказывается, мало дать им жизнь, нужно еще кормить их, покупать всякие там чулочки да каблучочки. Что те́ же прожорливые птенцы: ты им в поте лица таскаешь червяков, а они все ненасытно пищат и нагло требуют новой порции.

А он, между прочим, еще мужчина в расцвете сил. Весь из себя симпатичный. И не прочь пожить в свое удовольствие, поиграть в глазах дамского общества, чтобы потом, на склоне лет, не жалеть об упущенном.

Скрылся от дочек, не позволил взимать алименты со своей зарплаты.

Где вы теперь, О. Ж., резчик по камню? На какой долготе заглядываетесь в зеркало на свою высокую фигуру, на крупный нос и аккуратные залысины?

На душе у вас скребут кошки. Не из раскаяния, а из боязни возмездия. По вашему следу идет милиция. След обрывается в городе Рязани. Там вы поступили хитроумно. Оформились бетонщиком на завод железобетонных изделий № 2, прописались в общежитии. Но не для работы и не для проживания. Для запутывания погони. Милиция справляется о вас в ЖБИ № 2, в общежитии, а вы подвизаетесь в качестве скульптора в окрестностях Рязани.

Однажды вас обнаружили, и вы, пустив слезу, собственноручно начертали: «Прошу сосчитать меня не как злостного неплательщика, а как человека, бывшего без средств. В дальнейшем в случае уклонения от выплаты можете отнестись ко мне, как к злостному неплательщику».

И вы сдержали свое слово: от вас поступили два перевода на баснословные суммы — 10 р. 58 к. и 9 р. 52 к. На этом, уже злостный О. Ж., ваши средства исчерпались, и вы снова ушли в глубокое подполье.

Точнее — Голубев Александр Павлович. По наколке на левой руке — Саша. Покинул родную дочку еще в 1966 году. С тех пор на него трижды заводили розыскные дела, его находили и и вновь теряли из виду.

То он объявлялся во Внукове, в дачном писательском поселке, на творческой, можно сказать, работе. Вообще-то он пилил дрова, ставил заборы, вскапывал огороды. Но одновременно некоторые писатели интересовались его биографией и, очевидно, черпали в ней материал для создания отрицательных персонажей.

То о нем поступали сведения из далекой геологоразведочной экспедиции, где он рассчитывал скрываться в земных недрах, пока дочери не стукнет восемнадцать.

То его обнаруживали в Тюменской области без прописки и определенных занятий.

Дети, попадаясь Саше на глаза, не будят в нем добрых чувств. Все детки только с виду милые и трогательные, а на деле от них одни неприятности. Не обзаведись он, по глупости, таким коварным созданием, не крутился бы сейчас по свету затравленным зверем в поисках укромных уголков.

А у него, между прочим, голубые глаза и светло-русые волосы. Черты лица весьма приятны. И вообще все в порядке. Живи, казалось бы, на благо себе, ешь бифштексы с кровью, наряжайся в импортный трикотаж, неустанно уделяй внимание лучшей половине человечества.

Не тут-то было. Цветочек жизни того и гляди схватит родного папочку за руку.

Увы, все папы-беглецы скроены по одному стандарту. Так стоит ли множить примеры? Тем более мы уже показали на фактическом материале, что наколки в свою честь некоторые мужчины делают исключительно из нежных чувств к своей неповторимой персоне.

Что же касается мер воздействия к реальным О. Ж. и Сашам, так, по мнению автора, ни к чему изобретать велосипед, на котором папы-беглецы могли бы доставлять семье причитающиеся суммы. Все уже изобретено до него — закон предусматривает для злостных неплательщиков алиментов исправительные работы. Польза здесь двойная: во-первых, папы имеют твердый заработок, с которого их несовершеннолетние Насти и Вовики получают регулярные отчисления, а, во-вторых, у пап есть время для пересмотра своих эгоистических позиций.

Нужно только придерживаться буквы закона.

г. Москва.

Мир, который движется

Надо ли бросаться под колеса автомобиля или лучше обождать на тротуаре, пока загорится зеленый свет? Стоит ли мчаться на красный глаз светофора со скоростью девяносто километров в час? Есть ли смысл строить узкие, но зато дешевые дорожки, вместо широких, но зато дорогих автострад? Наконец, можно ли опохмеляться за рулем?

Все эти вопросы давно волновали Крокодил, ибо его читатели — народ беспокойный: ездит в автомобилях, тарахтит на мотоциклах и мотороллерах, крутит педали велосипедов, бежит трусцой по тротуарам или, увлекаемый болонками, овчарками и бульдогами, неустанно передвигается по улицам и бульварам.

Чтобы помочь водителям и пешеходам в сложном мире, где все движется, Крокодил учредил на своих страницах специальный раздел — Крокодильскую автоинспекцию, в котором дает полезные советы и приводит поучительные истории. Кроме того, он взял шефство над строящейся дорогой Казань—Набережные Челны. Кроме того, выпустил в свет специальный номер «Крокодил на автомобиле». Кроме того... В общем, уделяет некоторое внимание некоторым вопросам данной тематики.

Поэтому, естественно, весть о том, что в Москве открывается первое Всесоюзное совещание по безопасности дорожного движения, была воспринята Крокодилом с чувством удовлетворения. Не каждый день собираются вместе министры автомобильного транспорта, руководители строительства и эксплуатации автомобильных дорог, председатели исполкомов крупнейших городов для обсуждения вопроса, как сделать так, чтобы «крепче за баранку держался шофер», а пешеход не мчался, выпучив глаза, на красный свет... Короче, чтобы и водители были невредимы и пешеходы целы.

Открывая совещание, министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков сказал, что это и есть основная цель данного совещания и у нас уже имеются некоторые успехи по обеспечению безопасности движения: в 1972 году количество дорожно-транспортных происшествий снизилось почти на 2,5 процента. Однако многое в этом направлении еще предстоит сделать.

Выступивший затем с докладом заместитель министра внутренних дел СССР Б. Т. Шумилин выдвинул ряд конкретных предложений и соображений.

Обсудив доклад, совещание разошлось по секциям, где принялось решать свои узковнутриведомственные дела. В частности, журналисты договорились на своей секции еще активнее участвовать при помощи своих изданий в обеспечении безопасности движения.

Со своей стороны, Крокодил считает, что сатира и юмор — далеко не последнее средство в борьбе за здоровье и жизнь людей.

Крокодильской автоинспекции отдан приказ быть еще острее, оперативнее и веселее.

А. МОРАЛЕВИЧ

ОДЕТЫЙ КАМНЕМ

По шею в конкурсах и смотринах проходит современная жизнь. Хоккейный снайпер, победив в соревнованиях других соискателей, награждается кованым расписным сундуком. Он покидает площадку счастливый, с призом в охапке, и от тяжести гнутся под ним коньки.

Неделя парикмахерского искусства, декада кондитера, месячник безопасности движения заканчиваются увенчанием специалистов транспорта, завивки и тортовыпечки лаврами и бадьями из двоюродного хрусталю фаянса.

А где же ваш приз, скромный статист прошедшего месячника безопасности? Какой вам достался презент, дорогой друг пешеход? Вот водитель, ценой громадного напряжения всех нравственных сил не выбросивший вам в лицо из машины окурок,— он под бравурную музыку получает диплом. Другой в порядке содержал тормоза, не рвал с места, позволяя вам уцелеть,— ему на грудь пришпандорили знак со скрещенными вспышками фар. Но вы, кто, форсируя улицу, лучше всех смотрел налево, направо и вдаль, чем стимулируют вас?

На это автоработники метко ответят:

— А уцелеть вам что — не подарок? Знаете, как бывает с пешеходом в современных условиях?

Мы знаем. Вскрик, содрогание, катятся по асфальту баночного посола огурцы, и только мелькает в мозгу прошлая красивая жизнь: голубьпеган, выгодно обмененный на готовальню папы, выпускной школьный бал, «жених, наденьте невесте кольцо, и соответственно вы, невеста»...

Ужас. Спасибо вам, участники дорожных месячников и декад безопасности, от нас, уцелевших. Мы ничего. Мы не ропщем. Конечно, покуда нет почвы для поголовного распевания куплетов «Все хорошо, прекрасная маркиза». Но жить все-таки можно.

НЕВЗИРАЯ

на то, что месячники безопасности нельзя растянуть в многогодники;

на то, что дети по упорному недомыслию сызмальства играют в «ду-ду» и «би-би»;

на то, что в соседней квартире живет самосвальщик и водительский талон у него будто сделан из дырчатой летней шляпы, но он все равно при правах и ездит;

на то, что медведи Госцирка — поголовно владельцы международных водительских прав (к чести союзной ГАИ, выдавала права не она, а полиция Токио, Мюнхена), но порою неисповедима ГАИ, и случаются права у людей со знаниями даже не медведя — енота, и мчат по проспектам, припав на баранку в приступе фатализма, технические кретины.

Ах, какими темпами совершенствуется автомобиль! Баранка его стала кожаной (не отволгнет рука). Скорость возросла несусветно. Отгородившись стеклом от внешней среды, водитель создает у себя микроклимат и разный там эр-кондишен, предоставляя пешеходу по-овечьи перхать в дыму. Автомобиль снабжен поясом безопасности, оконтурившим корпус. Он жутко мощен: вчера только стояли в ряд четыре хилых цилиндра, а сегодня стоят V-образно восемь и недалеко до дубль-ве. И чего только нету в этом автомобиле, и даже при опасном превышении скорости загорается на панели портретик чад и супружницы (которых, заметим, не задавит водитель, а порешит он жизнь отвлеченного тов. Иванова, чей портретик бы и вставлять, но нет, не вставляют). И проходимость скакнула невероятно, так что тропою в отшибной местности, где только медведь задавливал человека, идет абориген икс — и вдруг вылетает на него по тропе, шурша автоматически приспущенной шиной, подслеповатая беда — вездеход.

Пешеход по-прежнему робок. Ступая на мостовую, он щупает мостовую ногой, как пловец речную студеную воду. А уж на мостовой, на обочине — не повернуть нам историю вспять — зев водителя максимально открыт на пехтуру. И даже в треть этой мощности не успеет огрызнуться ходок. Скуден также запас его мимики и поносных телодвижений.

— Надень *шляпу, глупость простудишь!*—кричат из кабины, и лишь мелькнуло мимо поросшее свирепым волосом ухо, и тов. униженный потопает дальше загребающей ногами походкой, будто ищет на асфальте грибы.

Да, опасен, товарищи, день пешехода. Но еще горше ночь. Дребезг перегорающих нитей слышен вам со столбов. Так звучит нерв перед тем, как лопнуть. Новолуние и темно. Бди, ночной пешеход! Себя можно выделить в этой кромешности, надев через плечо люминофорную ленту. А нет таких лент для ночных пешеходов: забыто производить.

— Света! — сказал перед смертью Гейне. Классик выкроил время сказать. А три астраханца, один на Кубанской, двое на улице Пушкина, не поспели высказать этого дельного замечания. Света вообще не было. Граждан быстро задавили во тьме. И живые шли в обесточенных улицах, валясь головой в волчьи ямы управления инженерных сетей, неограждённые, неосвещенные, без предупредительных знаков.

В плане фильмов о буднях разведчиков и XX Олимпиады отлилась точка зрения: человек несломим и крепкий орех.

Он сломим, и такой не орех! Он шалеет на улице от держания уха востро — и обязан держать. Ведь иначе торжество изречения:

ЛУЧШЕЕ БЕГСТВО ОТ САМОГО СЕБЯ — ХОЖДЕНИЕ ПО ПУТЯМ.

Моя улица — она добрая, без подвоха. И когда вы идете с работы, где дела вдруг сложились худо, домой, где тоже не гладко, как кстати тихая улица, место снятия напряжений. Осознайте ее с деревьями и весенними синицами в ветках. Где найдете вы такого приятеля — всегда контактен и ровен? Вы не найдете.

Но отмирает лирика улиц. Узкой кишкой вдоль стен мчится и несет вас толпа. Так жарко, что плавится мозжечок, вам дышат в затылок, и рыжий, как ящик гвоздей под дождем, мужчина на кулак мотает ваш галстук: сей же час скажите, где брали...

Вот на этом урбанистическом ожесточении и возникает взгляд, что пешеход наш — зверюга.

— Рот разинет и прет!

— Возле метро «Новослободская» построили подземку-модерн. Так не поверите: месяц милицейские радиокары дежурили: «Гражданка с тыквой, перейдите в положенном месте...».

Нет, серьезно, надо учить массу ходить. Может быть, даже платные курсы. Вот как в плавании разные стили, так и стили хождения.

Учить, конечно же, надо. Как избежать обдания грязью из-под колес на бессточных улицах. Как поступать одному на шоссе с переломом стопы, когда водитель скрылся (неоказание помощи, тоже бывает). И каких особенно бояться машин:

1. Самосвалы. Ухарство и гоньба на авось.
2. Прицепщики. Трудное управление, тормозной путь большой.
3. Таксисты. Алчность и вообще.
4. Частники. Малая практика ввиду сезонной езды.

А также 5, 6 и т. д.

Этому можно учить.

Но не учат.

И, самоуглублен и подавлен, идет по обочине человек. Люминофорной ленты на нем, естественно, нету. И уже моет руки хирург, с армейской отрывистостью отлетают слова: «На стол! Скальпель! Зажим! Кислород! В палату! Покой!»

И лежит человек в палате, одетый гипсовым камнем, с воздетой на блоке ногой. Поставленный стоймя, он был бы как памятник пешеходу, бегущему в счастливое завтра, где летает планета, оборудованная выхлопной трубой и глушителем.

— Паспорта проверил?
— Паспортов нет... Одни только водительские права.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

Рисунок С. СПАССКОГО

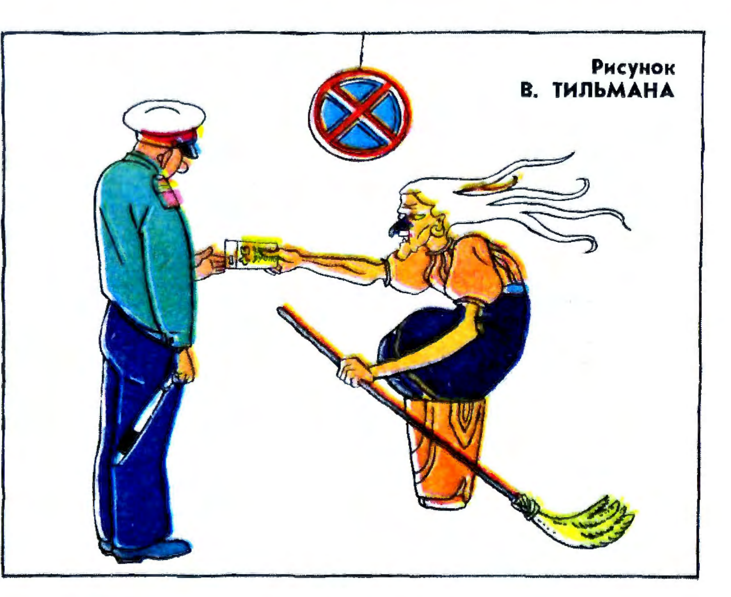

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

— Запуталась я в ваших новых правилах!

Столбовая дорога

КТО ЕЩЕ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ЗНАЧИТ ЭТО ВЫРАЖЕНИЕ, ТОМУ МЫ ДАЕМ ЗДЕСЬ ПОЯСНЕНИЯ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ НАГЛЯДНЫХ ПОСОБИЙ.

Автор «столбовой дороги» — трамвайно-троллейбусное управление города Ташкента. Оно поставило этот столб посреди улицы «Дружба народов» в столице Узбекистана.

Какова цель этого мероприятия? Видимо, стремление одержать верх в здоровой конкуренции с автомобильным транспортом. Еще два-три таких столба — и, глядишь, автомобили совсем перестанут здесь появляться.

На снимке — Комсомольский проспект в городе Усолье-Сибирское, Иркутской области. Главным украшением проезжей части проспекта служит опора линии электросети, которую вы видите слева. Некоторые отважные шоферы идут на риск, объезжают эту опору. Однако водители с небольшим стажем предпочитают сюда не соваться и держат путь в объезд.

«С 1 ПО 10 АПРЕЛЯ В СИМФЕРОПОЛЕ ПРОВОДИТСЯ ДЕКАДА БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ. ПЕШЕХОДЫ, БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!»

(Плакат на борту автобуса).
Прислал Т. Боярский, г. Симферополь.

«ВОРОНЕЖЦЫ! В ГОРОДЕ ПРОВОДИТСЯ ДЕКАДА БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ. БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!»

(Плакат на автомашине).
Прислал И. Стернин, г. Воронеж.

А. НАУМОВ

УДАРНАЯ СТРОЙКА

Рассказ

Хорошее пиво у нас в Молочаевке? То-то. Все равно что чешское, марки «Сенатор». А благодаря в немалой степени и мне, снабженцу Барашкову Антипу Дмитриевичу.

Но я хочу сказать не о себе, а о снабженцах вообще. Напрасно обижают нас кино и литература, этакими доставалами выставляют. Это от поверхностности, я понимаю.

Расскажу я вам одну историю, судите. Однажды я нигде не мог достать вентили. Штучка такая махонькая, а добыть негде. Тогда я пошел наугад на один завод, вдруг, думаю, повезет. Захожу в директорский кабинет.

— Здравствуйте,— говорю.— Я Барашков, представитель Молочаевского пивзавода.

— Чем могу служить, товарищ Барашков? — спрашивает директор.

— Вентили нужны,— отвечаю я взволнованно,— до зарезу нужны. Без них не можем пустить фильтры, а без фильтров у нас пиво не то. Жажду не утоляет. Жалобы во все концы...

— Сочувствую, товарищ Барашков,— любезно говорит директор,— но обратились вы не по адресу. У нас — цистерны, автопогрузчики, нержавеющие ложки, даже маникюрные наборы — только не вентили,— и нажимает на кнопку звонка, вызывает секретаршу, давая тем самым понять, что разговор окончен.

— Товарищ директор,— продолжаю я торопливо развивать свою мысль,— я пятый месяц беспрерывно в командировке. Я везде был, где только виден индустриальный пейзаж. Скоро лето, к нам в Молочаевку отдыхающие понаедут, а пиво не то. Выручайте!

— Ну и ну! — саркастически усмехается директор.— Так, может, нам открыть цех по производству вентилей, а? Знаете что, уважаемый, берите-ка свой саквояж и идите себе...

— Не пойду,— перебиваю я его со злой решимостью.— Куда мне идти? С пустыми руками меня дома не примут. Писать заявление на расчет я тоже не намерен. Мне нужны вентили, иначе я из этого кабинета ни на шаг!

— Ах, так,— цедит сквозь зубы директор.— Ну, что ж, оставайтесь. Позвонит кто, скажите, что к концу дня буду, на актив вызвали.

— Хорошо,— отвечаю я с олимпийским спокойствием, а сам располагаюсь, как в купе поезда: пальто снимаю, ботинки, надеваю спортивный костюм, тапочки домашние, перекусить достаю и бутылочку «Сенатора», замечательное пивко. Когда в столице в поисках этих проклятых вентилей мыкался, целый ящик достал.

Секретарша заходит, видит, обстоятельство необычное: в кабинете человек отдыхает. Только и сверкнула глазами. Подумала, наверное, что с разрешения директора.

Вечером и сам хозяин кабинета заявился. Забыл, очевидно, он про меня, потому что уставился поначалу, как на диковинку какую, но потом вспомнил.

— Ах, это вы? — говорит рассеянно.— Мне кто-нибудь звонил по этому телефону? — И показывает на красный аппарат.

— Звонил,— отвечаю,— начальник главка звонил.

— Начальник главка? — Директор аж подскочил.— Павел Анисимович? Вы серьезно?

— Мне только и шутить,— мрачно отвечаю я.— Просил сразу же, как появитесь, позвонить ему. Между прочим, вопрос о строительстве цеха вентилей я в принципе с ним утряс.

Директор, как в лихорадке, за телефон. Вжик, вжик диском.

— Доброго здоровьичка, Пал Анисимович... да... так... вентили... понимаю, вопрос назрел... нужно... можно... будем строить!..

А положил трубку, посмотрел на меня выразительно.

— Радуйтесь,— говорит,— будут вам вентили. Соберем вот на той неделе совещание, обсудим все и будем начинать строительство. Приезжайте через годик, выпишем как инициатору вне очереди хоть тысячу.

— Э-э, нет,— возражаю,— так дело не пойдет. Завтра же созывайте совещание, иначе я отсюда не выйду...

— В таком случае спокойной вам ночи,— язвительно говорит директор,— извините, что в моей скромной келье мало комфорта и нет постельных принадлежностей.

— Да ничего,— отвечаю ему в тон,— мы люди бывалые. Конечно, это не люкс в «Интуристе», но и не восьмиместная теплушка в Доме приезжих какого-нибудь райцентра.— А сам достаю из саквояжа подушку, одеяло и устраиваюсь на мягком директорском диване.

Приходит он утром, посмотрел на меня опять пристально да как закричит на секретаршу:

— Всех ко мне, сейчас, немедленно!

Собрал людей и сразу им про цех.

— Будем,— говорит,— строить. Потребителю вентили нужны до зарезу, и мы не можем заставлять его ждать, как вот ждет представитель Молочаевского пивзавода товарищ Барашков.

— Верно,— встаю тут я,— лето на пороге, а жажду чем утолять? Где вентили, чтобы пустить наши фильтры?

Хорошую тогда я речь произнес. Взволновались все, прониклись ответственностью за предстоящее дело и предложение мое приняли единогласно: начать немедленно, объявить стройку ударной.

— Искра организаторская у вас есть,— сказал мне после совещания директор.— Я бы от такого работника не отказался. Ну, спасибо за настойчивость, всколыхнули вы нас. Ждем через полгода, будем рады.

— А я никуда и не уезжаю,— говорю я.— Знаю я вас, хозяйственников. Запланируете на полгода, а растянете на пятилетку. Если бы вы делали все в срок, не мотались бы по стране мы, горемычные. Никуда я из этого кабинета не выйду, пока лично не смогу убедиться, что все идет нормально.

И такое, очевидно, произвело это на директора впечатление, что он и не пытался возражать. Только спросил:

— Сводки ежедневно смотреть будете?

И пошло с того дня. Совещания, оперативки, пятиминутки и прочее, как на любом порядочном строительстве, где уважают сетевое планирование и график. Участвует в них директор — я по праву руку, все равно, что представитель свыше. Нет директора — сам провожу. Как распеку, как пропесочу — плачут прорабы, словно дети малые. У меня ведь вся картина стройки, как на ладони. Сводки с утра мне—на директорский стол. Снабжение на высочайшем уровне, бесперебойное, потому что я знаю, где что на складах лежит в радиусе тысячи километров...

Видит такое дело директор, предлагает как-то:

— Хочешь, Митрич, в штат тебя введу? Начальником комплекса назначу? Работу ты выполняешь огромную, стройка, можно сказать, на тебе держится, а живешь на одни командировочные. Не могу,— говорит,— смотреть, как ты по утрам колбасу докторскую жуешь.

— Даже не просите,— отвечаю,— ни на ставку, ни на полставки. Тружусь я от всего сердца, а меркантильность всякую презираю.

И что ж вы думаете — за месяц цех отгрохали. Заводу знамя переходящее за успехи было вручено, газета на первой странице фотографию поместила, на которой я ленточку перерезаю. И, знаете, когда подоспело время с директорским кабинетом прощаться, поверите — слезы на глаза навернулись. Так привык я к нему, так с ним сроднился. Не могу покинуть, и все тут. Да и директор не выпускает.

— Оставайся,— говорит,— Митрич, у нас. Заместителем сделаю. Оставайся, не то замкну наглухо, колбасу только дозволю в окошко передавать.

Да куда ж мне без пивзавода?! Хоть и соблазнительно было на руководящей должности поработать годик-другой, все ж чувство ответственности за порученное дело взяло верх. Что, если мы, снабженцы, будем поддаваться уговорам, как футболисты, что тогда?

Провожали меня с оркестром, дорогу домой оплатили. Директор даже слезу смахнул — так ему было жаль со мной расставаться.

Ну, а дома, на пивзаводе, выговор закатили. За неповоротливость. Шутка ли — столько времени потратил на вентили. Да разве кому объяснишь, как иногда нам, снабженцам, приходится? Еще и доставалами обзывают.

Но зато пиво какое, а? Никак не хуже чешского, марки «Сенатор».

г. Донецк.

Г. ШИМАНОВСКИЙ,

специальный корреспондент Крокодила

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

Однажды к караульному начальнику Григорию Васильевичу Салопаеву, который нес бдительную службу на проходной Горьковского автозавода, подкатил самосвал. В кабине находился знакомый заводской шофер Новожилов, а в кузове—строительный мусор. Незнакомым было лишь печальное выражение лица всегда веселого самосвальщика, имевшего обыкновение дарить караульным девушкам приятные улыбки и не менее приятные парфюмерные коробки.

— Разрешите, Григорий Васильевич, вывезти с завода кусок железобетонной балки,— грустно молвил шофер.

— Сделай милость,— удивился начальник караула.— Ты этот мусор каждый день с территории вывозишь. Зачем спрашивать?

— Нужна мне балка для личных целей,— смахнув слезу, разъяснил самосвальщик.— Задумал я, Васильич, одно персональное мероприятие — топиться я задумал.

— Да ты что, парень! Побойся бога! — испуганно воскликнул караульный.

— Не бога боюсь, Васильич. Личная жинка страшнее бога. Поедом ест меня без горчицы. Приревновала к вашим охранницам — спасу нет. Теперь мне в пору с моста да в воду. Одна надежда на вас: поговорите с моей тигрицей, спасите!..

Вооруженный мыслью о спасении ближнего, начальник караула отправился в логово тигрицы. Логово было устлано коврами, сверкало горками хрусталя и полированной мебелью. У крыльца стоял «Москвич» несчастного самосвальщика, а из окон было видно, как в зеркальную гладь Оки кокетливо заглядывает любимое дитя хозяев — красавица яхта. Жена водителя мусорной машины полулежала во французском пеньюаре и страдальчески заламывала пальцы, унизанные перстнями. Она рвала и метала. Метала в мужа тяжелые обвинения и нехорошие слова. Муж плакал и клялся в своей невиновности.

Начальник караула Салопаев, несколько ослепленный блеском квартиры и жены, приступил к гашению семейного пожара. Впрочем, пожар в душе хозяйки угас довольно быстро, и вместо него вспыхнул другой — на столе. Горели хрустальные фужеры и рюмки с коньяком и водкой, пламенели красная икра и семга...

На другой день самосвальщик, притормозив у караульного помещения, интимно сказал начальнику:

— Гриша, ты не против, если я вывезу пару досочек?

— Петька! К тебе кто-то пришло!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«С начала года каждый теленок в ее группе ежедневно прибавляет больше принятых обязательств».

Газета «Знамя труда», г. Егорьевск.

«Мой друг Станислав сейчас далеко. Он надежный товарищ, на которого можно положиться. Передайте, пожалуйста, ему песню: «Зачем давал ты обещание».

(Из радиопередачи).

Записал А. Поляков, г. Днепропетровск.

«Сегодня состоится конкурс кулинарных изделий с последующей дегустацией участников конкурса».

(Объявление).

Прислала Л. Алексеева, г. Таллин.

Ценник в кафе.

Прислал А. Пшенный, г. Херсон.

«Я не вышел на работу 29.III.73 потому, что жена упала с печки по случаю моего дня рождения».

(Из объяснительной).

Копию снял Е. Коробов, г. Калининград.

«Соревнования по рыбной ловле проводятся в марте месяце 1973 года. Состав команды 3 человека. Победитель определяется по весу пойманной рыбы, а командное первенство по общему весу 3-х участников».

(Из программы соревнований).

Прислал В. Крушинин, г. Киров.

«Автотранспортной конторе требуется водитель мотороллера для распилки дров на механической пиле».

(Объявление).

Прислала А. Волкова, г. Севастополь.

«Эту работу надо сделать быстро, чтобы не тянуть резину в долгий ящик».

(Из выступления на собрании).

Записал И. Брусенцев, г. Владивосток.

Еще через день он протянул Салопаеву деньги.

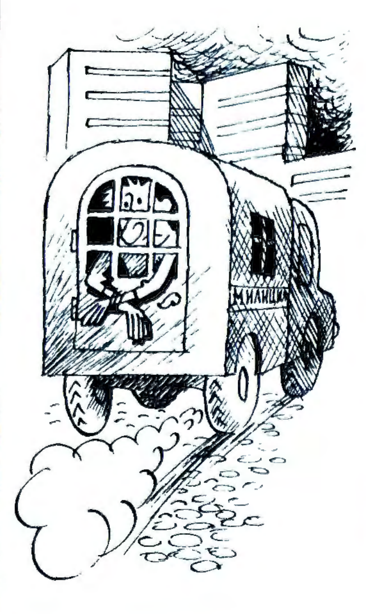
— За что? За две доски? — возмутился караульный.

— Нет, у меня под ними было две «железки». Я продал. Это твоя доля.

Так по сценарию авторов семейного водевиля был совращен с пути истинного положительный караульный герой Григорий Салопаев.

В следующем акте (то был еще не акт ОБХСС) самосвальщик продолжает вывозить с завода мусор. Сверху немного мусора, снизу — навалом «железки» (псевдоним ворованных автодеталей). Новожилов специализировался по рессорам, а другое действующее лицо — некий Кузьмин — по молдингам. Воровской конвейер шел из цехов запчастей и металлопокрытий к главе фирмы сбыта Шалиму Жоготу по кличке «Горилла». Рессоры грузили не штуками, не десятками и даже не мешками, а кузовами (стоимость одной рессоры на черном рынке —35 рублей, комплекта молдингов —450 рублей).

Шалим Жогот в порядке хобби работал таксистом, но настоящим своим делом считал президентство в подпольной фирме «Горилла и К°». Стол заказов фирмы принимал заявки из Баку, Тбилиси, Дербента, Донецка и других городов. Товар доставляли местным оптовикам крупными партиями. Жогот загружал в

Горьком рефрижераторы, пломбировал их, нанимал диспетчера и отправлял в дальний рейс. Сам президент предпочитал более комфортабельный путь — воздушные лайнеры. Этим же видом транспорта он пользовался, когда после трудов праведных его тянуло к «неге и холе ногтей» в московских Сандунах или появлялось желание наведаться за свежей рыбкой на Каспий. Таксист-президент чувствовал себя Наполеоном не только за рулем фирмы и в бане, но даже за карточным столом. Процветание позволяло ему по-королевски проигрывать за ночь по семи тысяч рублей.

Но вот мы подходим к кульминационному моменту воровского водевиля: в один прекрасный день фирма «Горилла и К°» вспыхивает синим пламенем. Главу корпорации пересаживают из президентского кресла на скамью подсудимых, где его уже дожидается родная компания гориллоподобных коллег. Воспоем песнь бдительности! Поаплодируем отделу милиции по охране автозавода во главе с неусыпным подполковником Вибиным, майором ОБХСС Сорокиным, а также младшим лейтенантом Пташкиным. Синее пламя над головой «Гориллы и К°» — это венец их многомесячных бдений.

Однако наряду с аплодисментами рессорная эпопея вызывает и некоторые

На стр. 14

— Вспомнил! Мне же надо выключить станок!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«Заседание продолжается»

Одноименный фельетон Я. Полищука («Крокодил» № 6) рассказывал о грандиозном банкете, устроенном в Хасавюрте во время методического совещания преподавателей педучилищ. Застрельщиками и организаторами этого застолья были руководители здешнего училища и профсоюзной организации.

Как сообщил редакции председатель Дагестанского областного совета профсоюзов тов. М. Джабраилов, неправильные действия организаторов банкета обсуждены на президиуме облсовпрофа и на открытом партийном собрании Хасавюртовского педучилища. Фельетон обсуждался также на совместном заседании коллегии Министерства просвещения Дагестанской АССР и президиума обкома профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений.

Инспектору министерства просвещения тов. А. Ахмедову и директору Хасавюртовского педучилища тов. А. Гусейнову объявлены строгие выговоры, а одна из инициаторов банкета, тов. В. Мазепа, освобождена от обязанностей председателя местного комитета.

«Воробьи под градусом»

В фельетоне Э. Полянского с таким заголовком («Крокодил» № 33 за 1972 год) говорилось о том, что в Воронеже плохо борются с самогонщиками и с изготовителями самогонных аппаратов.

Секретарь Воронежского горкома КПСС тов. А. Попов сообщил редакции, что фельетон обсужден на бюро горкома.

Второму секретарю Коминтерновского райкома КПСС тов. Е. Черникову указано на недостаточный контроль за деятельностью административных органов в борьбе с самогоноварением. Обращено внимание начальника районного отдела милиции тов. П. Пучнина на формальное отношение к расследованию преступлений, связанных с самогоноварением.

По рекомендации бюро фельетон рассмотрен во всех отделах внутренних дел города, на заседаниях райисполкомов, в партийных комитетах, где разработаны конкретные меры для устранения имеющихся недостатков.

Получено также письмо из Министерства юстиции РСФСР от начальника Управления судебных органов тов. Л. Николаева. В нем сказано, что отдел юстиции Воронежского облисполкома рекомендовал народным судьям при рассмотрении уголовных дел устанавливать конкретных лиц, виновных как в самогоноварении, так и в изготовлении аппаратов и приобретении сырья для спиртных напитков домашней выработки.

Народные судьи тов. И. Кирдеев и тов. А. Власова, под председательством которых рассмотрены указанные в фельетоне дела, строго предупреждены за допущенную небрежность при установлении всех обстоятельств совершенных преступлений.

Со стр. 13

недоуменные эмоции. В следственном и судебном диалогах Новожилов признался, что рессоры попадали в его самосвал не в порядке самообслуживания, а загружались по ночам рабочими цеха запчастей. И если «Горилла и К°» внупе с Новожиловым остались на несколько лет по одну сторону судебного занавеса, то герои ночных сцен остались... в том же цехе.

Руководители цеха, конечно, огорчены крупной утечкой тысяч дорогих деталей, решает наша чуткая милиция и спешит утешить опечаленных руководителей. Является в цех с сочувственным выражением лиц и узнает, что никаких волнений по поводу пропажи в цехе нет. Нет и не было. То есть де-факто детали пропали, но де-юре — все в ажуре.

«Как же так?» — удивляется милиция.

«Сами удивляемся»,— отвечают в цехе.

«Удивительное рядом,— говорит милиция.— Даже расхитители у вас удивительные: воруют исключительно бракованные детали. Все, что попадает в их руки, оказывается затем списанным в брак. И еще не менее удивительны порядки в цехе: с парадного подъезда личностью входящего могут поинтересоваться и спросить, кто, куда и зачем. А с тыльной стороны в цеховые ворота хоть обозом въезжай и выезжай...»

Удивительное рядом продолжает удивлять. А кое-кого — и вдохновлять...

г. Горький.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Атанас ДИМИТРОВ
(Болгария)

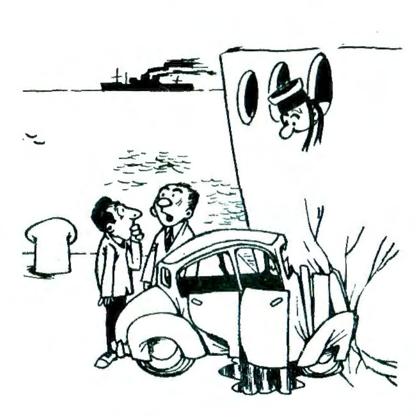
СЛОВА, СЛОВА...

В центре его творчества всегда стоял человек, а именно кассир издательства.

Не говори от имени других — потеряешь свое.

Не верь путеуказателю, прежде чем не узнаешь, кто его поставил.

В жизни слишком много артистов и слишком мало режиссеров.

— Вы мой первый ученик, которому удалось столкнуться с пароходом.

«Вельтвохе», Швейцария.

— Там эти ужасные Енсены! Сделай вид, что ты их не видишь...

«Актуэльт», Норвегия.

— Профессор, я вам возвращаю вашу монографию. Я ее прочитал, и она произвела на меня огромное впечатление.

— Неужели? — удивляется профессор.— Но ведь страницы даже не разрезаны!

— Я так увлекся чтением, что забыл их разрезать.

●

— Эта диссертационная работа явно плохо написана. Почему вы решили дать о ней положительный отзыв?

— Если я дам отрицательный, то отменят защиту диссертации. А я считаю необходимым, чтобы диссертант обязательно провалился.

●

Встречаются двое.

— Ну спроси меня, как я живу!

— Как живешь?

— О, не спрашивай!

●

В магазин приходит покупатель и начинает жаловаться:

— Бог знает что! Только вчера купил пиджак, а он уже сегодня на спине треснул.

— А вы не волнуйтесь, мсье,— успокаивает его продавщица,— вероятно, пуговицы были слишком крепко пришиты.

Феликс ДЕРЕЦКИЙ
(Польша)

ТАРИФНАЯ СЕТКА

Усталый путник, напрягая последние силы, открыл многопудовую дверь и вошел в кузницу. На минуту яркое пламя ослепило его. Зажмурив глаза, он обратился к стоящему у наковальни:

— Привет Гефесту, богу огня, покровителю кузнечного искусства! Ох, и пришлось же мне потрудиться, пока я тебя разыскал!

Кузнец утер пот со лба и ответил:

— Привет и тебе, незнакомый путник! Прошу простить, что принимаю тебя в этой запачканной спецодежде: работы по горло, и я целый день у наковальни. Откуда тебя бог принес?

— Прямо с Олимпа! Все боги, которые, конечно, рангом помельче, очень взволнованы твоей судьбой, Гефест.

— Это почему же?

— Никак не могут понять, за что Зевс обошелся с тобой так круто. Ты, правда, разозлил его, но как бы он ни разгневался, не обязательно же было выталкивать тебя с Олимпа, да так, что ты даже сломал ногу и навсегда охромел. А после всего этого еще отправил работать в кузницу. Это слишком жестоко.

— Слушай, путник,— усмехнулся кузнец,— все это мифология! Вздор, высосанный из пальца! Они там, на Олимпе, завсегда так! Зевс ни в чем передо мной не виноват. Ногу мне переломили у киоска с нектаром. Аккурат тогда только что привезли этот чудесный напиток, обеспечивающий богам бессмертие. Услышав об этом, мы все сбежались, началась толкотня, потом некоторые разгорячились, стали применять силовые приемы... Там я и получил эту травму.

— О боги! — воскликнул пришелец.— Так вот когда еще появились распивочные! А твои отношения с Зевсом, ты говоришь, были нормальные?

— Мало того. Были и есть наилучшие! Зевс относится ко мне с пониманием и любовью.

— Не пойму тогда,— почесал затылок пришелец,— почему же Зевс загнал тебя на работу в кузницу? Разве твои божественные руки созданы для такого тяжкого и грязного труда? Мог бы директор Олимпа подыскать тебе другую работу. Полегче...

— Предлагал. И не одну. Да я не согласился.

— Почему?

— Эх, ты, голова!.. Тарифная сетка так, брат, устроена, что я как кузнец зарабатываю втрое больше, чем если бы я был, к примеру, эскулапом или учителем. Однако пора и за работу. Тем паче, что скоро и в здешний киоск свежего нектару подбросят!

Промолвив это, Гефест с такой силой грохнул молотом по наковальне, что всю кузницу заполнили искры.

— Криминалистам придется поломать голову над этими отпечатками пальцев!

«Биллед-бладет», Дания.

Бертран де ГОЙЕН
(Франция)

Помнишь ли ты?

Помнишь ли ты наши долгие прогулки, когда рука в руке мы медленно шли вдоль берега моря и лес приветливо махал нам ветками? Каждый наш шаг был, как удар сердца, а теплота наших рук говорила о страсти и о преданности.

Помнишь ли ты прекрасный вечер, когда мы бежали пьяные от счастья по зеленым лугам и ветер Нормандии ласкал наши загорелые лица?

Помнишь ли ты об этом?

Помнишь ли ты наши встречи в Париже, как тайком, убегая от всех, мы скрывались в квартирке на пятом этаже в старом доме без лифта? Мы пили красное вино, ты курил дешевые сигареты, а я смотрела на тебя и любовалась.

Помнишь ли ты наши шутки, беззаботный смех, горячие клятвы?

Помнишь ли ты скромные, но милые подарки, которыми мы часто обменивались?

Помнишь ли ты замечательный вечер в деревенском кафе, бесподобную курицу, которую нам подавали? Ведь это было всего за два дня до твоей женитьбы...

Что касается меня, то знайте, мсье, что я обо всем этом давным-давно забыла!

Разговор между шотландцами:

— Разве твой сын больше не помогает тебе в магазине?

— Нет, я отослал его к бабушке в деревню.

— Почему? Неужели он заболел?

— Нет, но он всегда плачет, когда я даю сдачу покупателям.

●

— Я очень волнуюсь! Мой муж никогда не приходил с работы так поздно. Не завел ли он любовницу?

— Ну зачем же думать о самом худшем? Может, он попал под машину.

●

Студент робко вытаскивает экзаменационный билет, просматривает вопросы и неуверенно обращается к профессору:

— Разрешите мне взять другой билет?

— Возьмите.

Студент берет билет, читает его и, вздыхая, кладет обратно.

— Простите, профессор, может быть, вы разрешите взять третий билет?

— Давайте вашу зачетную книжку!

Студент дрожащей рукой подает книжку. Профессор ставит оценку «3» и расписывается.

Студент благодарит и уходит.

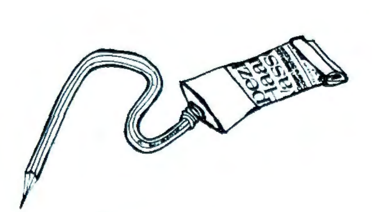
Ассистент, сидящий рядом с профессором, в недоумении спрашивает:

— За что тройка?

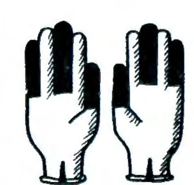
— Раз ищет, значит, что-то знает!

ПОЛЕЗНЫЕ ПАТЕНТЫ

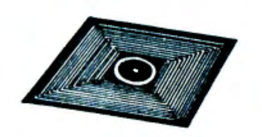
«Павлиха», Югославия.

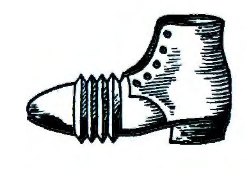
Карандаш в тюбике.

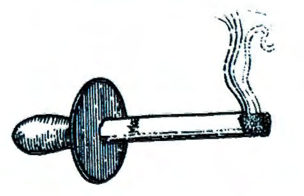
Перчатки для игры на фортепиано.

Пластинка с записями квартетов.

Безразмерные туфли.

Сигарета для малолетних.

КРОКОДИЛ

№ 14 (2060)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Ю. Андреев, А. Грунин, В. Жарнов, Г. Ломидзе (г. Тбилиси), В. Мохов, К. Невлер, И. Норинский, А. Скотаренко, Ю. Степанов, В. Тильман.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 26/IV 1973 г. А 01883. Подписано к печати 10/V 1973 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 580 000 экз. (1-й завод: 1—3 376 750). Изд. № 922. Заказ № 517.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

В новом английском бюджете предусматривается резкое сокращение ассигнований на социальные нужды страны.

БЮДЖЕТ-ОДУВАНЧИК

Рисунок Г. ЛОМИДЗЕ